

МАГИЯ ЖИЗНИ

ЭЛИС ХОФФМАН

КАРИБСКИЙ БРАК

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X85

Alice Hoffman

THE MARRIAGE OF OPPOSITES

Copyright © 2015 by Alice Hoffman

Перевод с английского *Л. Высоцкого*

Художественное оформление *М. Дорошенко*

Хоффман, Элис.

X85   **Карибский брак / Элис Хоффман ; [пер. с англ. Л. Высоцкого]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Магия жизни).**

ISBN 978-5-699-93559-8

Начало XIX века, остров Сент-Томас. Рахиль Помье растет в семье еврейского торговца, чьи предки некогда бежали из Европы, спасаясь от инквизиции. Рахиль — своенравная и независимая девочка, которая целыми днями, назло матери, читает книги в библиотеке отца и мечтает о гламурной парижской жизни. Но она не распоряжается своей судьбой: когда фирме отца угрожает разорение, Рахиль соглашается выйти замуж за пожилого вдовца, чтобы спасти семью от бедности.

После его смерти она решает связать свою жизнь с загадочным незнакомцем из Европы, Фредериком.

Он — полная противоположность Рахили: робок, слаб здоровьем и заморожен цифрами больше, чем романтическими приключениями, к тому же — племянник ее отца. Все было против них: несхожесть воспитания и темперамента, общественное мнение. И все же их брак состоялся.

Сын Рахили и Фредерика сегодня известен во всем мире. Имя его — Камиль Писсаро.

Появился бы на свет великий импрессионист, если бы одна женщина не пошла против всех?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© **Высоцкий Л.,**
перевод на русский язык, 2017
© **Издание на русском языке, оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93559-8

Глава 1

ВСЛЕД ЗА ЧЕРЕПАХАМИ

ШАРЛОТТА-АМАЛИЯ, СЕНТ-ТОМАС

1807

РАХИЛЬ ПОМЬЕ

Я всегда открывала окно на ночь, хотя мне запрещали это делать: и вообще редко поступала так, как мне велели. Моя мать говорила, что я была такой с самого рождения и даже до него, ведь я целых три дня никак не желала появляться на свет. Ребенком я не спала по ночам и не соблюдала никаких правил. Но я всегда знала, чего хочу.

Другие дрожали и мерзли во время дождя, я же обожала холодную погоду. Ночи у нас на острове были хоть глаз выколи, воздух, густо насыщенный ароматами, идеально подходил для того, чтобы мечтать. Как только дневной свет начинал угасать, слышался быстрый топот ящериц, бегавших среди опавших листьев, и звон мошкары, устремлявшейся в окно. На ночь мы сооружали в наших оштукатуренных домах палатки из мелкочаеистой белой сетки, защищавшей от насекомых. Чтобы уменьшить число этих паразитов, мы держали маленьких рыбок в садовых бочках, наполненных дождевой водой: рыбки съедали яйца, отложенные насекомыми на поверхности воды. И все равно они тучами парили в жарком воздухе, особенно в сумерки, и нередко заражали человека лихорадкой, от которой он мог напрочь сгореть. Полчища летучих мышей опускались в наш сад в неподвижном воз-

духе и поглощали нектар из цветов. Насытившись, они повисали на ветвях деревьев, и оставались только ночь, тишина и жара. Жара была непременной составляющей нашей жизни, чем-то вроде оборотня, от которого некуда деться. Из-за нее мне хотелось скинуть с себя всю одежду и нырнуть в какую-нибудь другую жизнь, туда, где растут липы на зеленых лужайках, где женщины носят черные шелковые платья и кринолины, шуршащие при ходьбе, в страну, где серебряный диск луны выплывает на холодное чистое небо.

Я знала, где есть такое место. Когда-то бабушка с бабушкой там жили. Они приехали в Новый Свет из Франции и привезли с собой яблоню, чтобы она напоминала им о некогда имевшемся у них фруктовом саду. Даже наша фамилия Помье¹ происходит от названия фрукта, который они выращивали. Отец рассказывал мне, что наши предки долго искали землю, где могли бы жить свободно, — сначала в Испании, затем в Португалии, затем в районе Бордо, единственной французской провинции, где в то время разрешали жить людям нашей веры. Но свободная жизнь во Франции быстро кончилась — наших людей бросали в тюрьмы, убивали, сжигали. Некоторым удалось бежать через океан в Мексику и Бразилию, им помогал в этом мореплаватель Фернан де Лоронха², родом из марранов³, скрывавший свою национальность от властей. Даже Колумб, который назвал наш остров земным раем, был, говорят, одним из нас и тоже искал новую свободную землю.

Девятого августа тысяча четыреста девяносто второго года королева Изабелла изгнала наших людей из Ис-

---

¹ Поміе от pomme — яблоко (*фр.*).

² Фернан де Лоронха (ок. 1470 — ок. 1540) — португальский торговец и мореплаватель, один из первых правителей-европейцев в Бразилии (*Здесь и далее прим. перев., если не указано другое*).

³ Марраны — термин, которым испанцы и португальцы называли евреев, принявших христианство.

пани. Эта дата была черным днем нашего календаря. Именно девятого августа Первый Иерусалимский храм был разрушен вавилонянами, а Второй храм — римлянами. В тот же день в тысяча двести девяностом году всех евреев изгнали из Англии. Тысячи еврейских детей подверглись насильственному крещению и были увезены на остров Сан-Томе у берегов Африки и проданы там в рабство. В тысяча пятьсот шестом году в Испании во время Пасхи зарезали четыре тысячи человек. Многие приняли христианство, но втайне продолжали исповедовать старую веру. Мне было жаль тех, кто остался там и вынужденно крестился. Отец говорил, что в конечном итоге эта жертва не помогла «обращенным», как их называли: на них смотрели, как на людей второго сорта, лишали прав и имущества. Выжили лишь те, кто сумел вовремя убежать.

Но инквизиция преследовала наших людей и за океаном: в Мексике и Бразилии их тоже стали убивать и в конце концов изгнали и оттуда. Мой дед был среди тех, кто переселился на остров Сан-Доминго. Там выросли мои родители. Но в странах, где трудились рабы, а сахарный тростник правил бал, никому не было покоя. В тысяча семьсот пятьдесят четвертом году датский король издал указ о том, что на острове Сент-Томас люди могут свободно исповедовать любую религию; он отменил рабство, предоставил евреям такие же права, как у других народов, и даже право вступать в объединения вроде братства масонов, что позволило евреям вести дела с людьми других национальностей. И мои родители переехали на этот «остров черепах», ибо здесь было больше свободных людей, чем где бы то ни было в Новом Свете; в тысяча восемьсот четырнадцатом году жившие на Сент-Томасе евреи получили датское гражданство. Почти все они говорили по-английски или по-французски, но поддерживали

датское правление. Согласно налоговой документации, в тысяча семьсот восемьдесят девятом году на острове был всего десяток еврейских хозяйств, но уже в тысяча семьсот девяносто пятом, когда я родилась, здесь жили уже семьдесят пять евреев, и с каждым годом их число возрастало.

Поселившись на Сент-Томасе, отец поклялся, что больше никуда не уедет. Он привез с собой яблоню, мою мать и единственного человека, который был предан ему.

Наш остров представлял собой маленький клочок земли посреди сине-зеленого моря, площадь его была чуть больше тридцати квадратных миль. Коренные жители, карибы, вымерли от болезней или были убиты. Они верили, что их предки прибыли на остров с Луны: увидев пустынную бесплодную землю, они спустились сквозь облака, чтобы дать ей жизнь, и разукрасили ее оттенками оранжевого, синего и красного цветов. Шторма не давали им возможности улететь обратно, и они были вынуждены остаться в этом чужом краю. Они заплетали свои длинные черные волосы в косы в знак траура по самим себе и по нашему миру. У них были основания скорбеть, потому что до тех пор, пока датчане не принесли на остров свободу, здесь было общество преступников и рабов, царили несправедливость и печаль.

Оказалось, что фрукты, чье имя мы носили, плохо произрастают в тропиках, им требуется более прохладный климат. Яблоня моего деда, высаженная в большом керамическом горшке во дворе, так больше и не выросла. В засушливую погоду я ее поливала, но ей все равно не хватало воды. Ее побуревшие листья съезживались и падали на землю, шелестя, как трепещущие крылья мотыльков. Яблоки, которые она приносила, были твердыми и зеле-

ными. И тем не менее это было наше наследство, плоды из Франции. Я съедала все найденные мной яблоки, какими бы горькими они ни были, но однажды мама заметила это и влепила мне пощечину. Полное имя моей матери было мадам Сара Монсанто Помье, характер у нее был такой, что немногие решались выступить против нее. В гневе она затихала, но становилось страшно.

— Эти яблоки предназначены твоему отцу, — сказала она, увидев, что я подбираю плоды, упавшие на землю.

Я отошла от нее и от яблони, не сказав ни слова. В отличие от других, я не боялась матери. Знала, что она не такая сильная, как казалось, потому что слышала, как она плачет по ночам. Тогда я пообещала себе, что следующий плод, чье имя мы носим, я съем в Париже. Хотя я и родилась на острове, но не считала его своей родиной, так как была здесь такой же пленницей, как те люди, что прилетели с неба и могли только смотреть из этой дали на свою Луну. Но я верила, что, в отличие от них, я буду жить там, где хочу.

Когда я научилась читать, большим утешением для меня стала библиотека отца. Помимо всего прочего, он собирал карты-схемы Парижа, некоторые из них были выполнены знаменитым картографом Николасом де Фером¹. Я проводила пальцем вдоль Сены, запоминала названия парков и кривых улочек на ее берегах, а также аллею в саду Тюильри, который был посажен Екатериной Медичи в тысяча пятьсот шестьдесят четвертом году, а зимой покрывался льдом и превращался в холодную волшебную страну. Впервые я узнала о Париже от папы, а он рассказывал мне о нем со слов своего отца. Для нас

---

¹ Де Фер, Николас (1646—1720) — гравер и картограф французской короны, создавший более 600 географических карт, в том числе планов и описаний городов Франции, ее провинций, а также морских путей.

он был городом, где все прекрасное зародилось — и исчезло. Папа никогда не видел Парижа, но я решила, что когда-нибудь обязательно побываю там за него.

В возрасте десяти-двенадцати лет я предпочитала проводить время в библиотеке, но мама часто заставляла меня ходить вместе с ней с визитами к ее подругам по Обществу милосердия и богоугодных дел, женской благотворительной организации нашей общины. Эти женщины при всей своей набожности старались одеваться по моде, тем более что некоторые из них приехали на остров из Франции. Я просила служанок в домах этих дам показать мне «Journal des dames et des modes» и «La Belle Assemblée», лучшие парижские журналы мод, удалялась с ними в хозяйскую гардеробную и, лежа на холодных плитках пола, листала волнующие страницы. Там демонстрировались туалеты с меховыми воротниками, ботинки из бордовой кожи, лайковые перчатки, доходившие до локтей и застегивавшиеся на две элегантные жемчужные пуговицы. Иногда я выдирала страницы из этих журналов и уносила с собой. Если даже кто-нибудь и замечал это, мне не попадало, потому что в этих гардеробных я наталкивалась на секреты, которые лучше было не раскрывать, — любовные записки, бутылки рома, кучки припрятанных монет. Похоже, даже некоторым из самых достойных дам общества случалось сбиваться с пути. Еврейских женщин со всех сторон ограничивали правила: установленные Богом, датскими властями и местными руководителями. Мы должны были держаться тихо и незаметно, как мыши, чтобы не возбуждать ненависти к нашему народу, который третировали во всех странах. Но я не желала быть мышью.

Когда я гуляла в поле, меня гораздо больше интересовали ястребы.

Почти все книги отца были на французском языке, многие — в кожаных переплетах с вытисненными на корешках золотыми буквами. С каждым кораблем, прибывавшим из Франции, отцу привозили посылку, и он ходил на пристань, чтобы получить очередной том и пополнить свою библиотеку. Я пробиралась в эту прохладную комнату с закрытыми ставнями, как только предоставлялась такая возможность. Девочки не посещали школу, но я получала образование в библиотеке отца. Папа научил меня читать тексты на иврите, на английском и испанском языках, а также немного на датском и голландском. Говорили мы, естественно, по-французски. Вместе со мной училась языкам моя ближайшая подруга Жестина. Когда мы читали вслух, папа смеялся над нашим креольским акцентом и старался исправить наше произношение. Как-то мама сказала, что мне лучше было бы учиться чему-нибудь на кухне, а Жестине вообще нечего делать в нашем доме, а папа при этом пришел в ярость. Мы с Жестиной спрятались под стол и зажали уши руками, чтобы не слышать слов, которыми обменивались мои родители. Я знала: мама считает, что мне подобает дружить с девочками нашей веры, а не с дочкой африканки, нашей кухарки. Но мнение моей матери мало значило для меня.

Однако Жестина боялась моей матери, стеснялась отца и больше не приходила в нашу библиотеку. Вместо этого я приносила ей книжки, и мы читали их на крыльце ее дома, где сквозь перила был виден океан. Иногда мы читали вслух мечтательным тоном, стараясь произносить слова как можно утонченнее. Но по большей части я читала одна в библиотеке, пока мама вместе с другими дамами из благотворительного общества посещала одиноких женщин, детей-сирот, больных, немощных и нуждающихся. Я была уверена, что в этой комнате меня не

потревожат, так как мама считала ее владениями отца и после спора по поводу обучения девочек чтению больше не приходила сюда без приглашения.

Из книг меня прежде всего увлекали «Histoires ou contes du temps passé, avec des moralités: Les Contes de ma mère l'Oye»¹. В замечательных сказках Шарля Перро была острота правды. Когда я переворачивала страницы, мне казалось, что у меня на пальцах пчелы, потому что никогда еще я не ощущала так явственно, что живу. Сказки Перро объясняли мне мою собственную жизнь. Возможно, я не до конца понимала свои чувства, но знавала, что каждая глава книги дает мне больше, чем сотня разговоров с моей матерью.

Il était une fois une veuve qui avait deux filles: l'aînée lui ressemblait si fort et d'humeur et de visage, que qui la voyait, voyait la mère. Elles étaient toutes deux si désagréables et si orgueilleuses qu'on ne pouvait vivre avec elles.

Жила-была вдова, у которой было две дочери. Старшая была так похожа на нее и внешностью, и характером, что достаточно было посмотреть на дочь, чтобы увидеть мать. Обе были ужасно вздорными и заносчивыми, и жить с ними было невозможно.

Наверное, именно это не нравилось маме больше всего — то, что я была похожа на нее. Я невольно задавалась вопросом: не было ли это для некоторых женщин самым большим грехом?

Мы с мамой больше не обсуждали вопрос о моем образовании, пока однажды она не привела в библиотеку мужчину, которого наняла для мытья окон, и не обна-

---

¹ «Истории и сказки былых времен с поучениями: Сказки Матушки Гусыни».

ружила меня там. К тому времени я уже стала взрослой тринадцатилетней девушкой, почти что женщиной, но, вместо того чтобы делать какую-нибудь работу по дому, я валялась на полу непричесанная, уткнувшись носом в книгу. Мадам Помье пригрозила, что выбросит «эти сказки» на помойку.

— Послушай меня и займись полезным делом, — сказала она. — Не торчи в библиотеке.

Я дерзко ответила ей, зная, что она не посмеет отзываться плохо о библиотеке отца:

— Это не твоя комната.

Мама отослала работника и закрыла дверь.

— Что ты сказала?

— Мне известно, что папа хочет, чтобы я получила образование, — ответила я.

Меня не заботило, что мама мной недовольна. Тогда мне было невдомек, что, отвергая ее, я заражаю ее злобой и зеленой тоской. Ожесточение было непримиримым, и чем сильнее оно становилось, тем больше я походила на маму. Оно одновременно придавало мне сил и истощало.

Мама бросила на меня пронизательный взгляд.

— Надеюсь, у тебя будет когда-нибудь ребенок, который оскорбит тебя так же, как ты меня, — произнесла она как проклятие.

С тех пор она делала вид, что не замечает меня, кроме тех случаев, когда надо было дать мне какое-нибудь поручение или сделать замечание насчет моей внешности или поведения. Возможно, она была так холодна со мной потому, что потеряла ребенка, родившегося через девять месяцев после меня. Это был мальчик. Она хотела подарить папе сына — может быть, надеялась, что тогда он будет любить ее больше. Я часто думала, что она, наверное, предпочла бы, чтобы из двоих детей умерла я, а не он.

Il était une fois un Roi et une Reine, qui étaient si fâchés de n'avoir point d'enfants, si fâchés qu'on ne saurait dire.

Жили-были король с королевой, которые страшно жалели, что у них нет детей, — так жалели, что невозможно выразить словами.

Отец справился с потерей и любил меня, но мама была безутешна. Она заперлась и не хотела видеть ни его, ни меня. Когда она вернулась в более или менее нормальное состояние и вновь взялась за хозяйство, папа уже перестал приходить домой к ужину и появлялся лишь к ночи. Тогда-то мама и начала плакать по ночам. Я отчасти догадывалась, что папа в каком-то глубоком смысле отдалился от нас, но не вполне понимала его. Я виделась с ним только в библиотеке и очень любила их обоих — папу и библиотеку, — одинаково горячо и без всяких сомнений.

Подобно тому, как Перро просил знакомых дам пересказывать ему истории, которые они слышали от своих бабушек, так и я начала расспрашивать старух на рынке и записывать их рассказы о чудесах, встречающихся только на нашем острове, а также собственные впечатления об удивительных вещах, увиденных мною. Я решила собирать эти истории, пока живу тут в плену: когда я поеду во Францию, у меня накопятся десятки таких фантастических сюжетов, что людям будет трудно в них поверить. В нашем мире когда-то жили пираты, имевшие больше дюжины жен, здесь находили раковины, в глубине которых крылись жемчужины, здесь водились попугаи, умевшие говорить на четырех языках, птицы высотой с человека, танцевавшие друг с другом на болотах, а также черепахи, откладывавшие на берегу яйца в одну-единственную ночь в году. Мы с Жестиной ходили туда в сумерки и смотрели, как весь берег заполняется этими неуклюжими существами, которые были так поглощены

выполнением привычной для них задачи, что не различали нас в общей массе. Мы были девочки-черепахи. Если бы мы жили в сказке, у нас выросли бы лапы с когтями и панцирь, но мы лишь молча наблюдали за ними в наступающей темноте. Фонарь нельзя было зажигать, потому что черепахи ползли к луне, и для них любой круглый светильник — луна, даже если кто-то держал его в руке.

Я утащила из лавки отца синий блокнот с тонкой бумагой, изданный в Париже. Если даже пропажу кто-то и заметил, мне никто ничего не сказал. Правда, мистер Энрике, красивый суровый человек, служивший у моего отца, стал после этого смотреть на меня по-другому. Первая история, записанная мною со слов рыночных торговков, повествовала о женщине, родившей черепаху. Старухи любили рассказывать по очереди, и каждая из них добавляла какую-нибудь новую деталь. Женщина, родившая черепаху, была шокирована, увидев своего ребенка в зеленом панцире, побежала на берег и оставила там новорожденного. Она хотела, чтобы прилив унес ребенка в море. Но, к счастью, рядом оказалась черепаха, у которой был целый выводок черепашат, и она вырастила девочку-черепаху вместе со своими детьми. Мы с Жестиной все время высматривали на берегу черепаху с человеческим лицом и душой. Говорили, что она выглядит совсем как обыкновенная женщина с длинными руками и ногами и волосами цвета мха, а ее панцирь становится заметным только в воде. Так что она могла бы легко вращаться в обществе, заходить в кафе и танцевать с мужчинами, восхищающимися ее красотой, но она предпочла жить среди черепах. Ее можно признать по бледно-зеленой коже и желтым глазам. Она плавает по всему миру и бывает во всех морях, но всегда возвращается на наш берег.

— Мы здесь, сестра! — призывали мы ее шепотом, стоя на берегу. Мы не стали бы упрекать ее и не бросили бы ее,